

ДАНИИЛ БЕЛИНСКИЙ

КАТЯ БУДЕТ УМИРАТЬ, КАТЯ БУДЕТ УБИВАТЬ



СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

от автора «Где никто не слышит»

18+

Где никто не..

Даниил Белинский

**Катя будет умирать,
Катя будет убивать**

«Автор»

2026

Белинский Д.

Катя будет умирать, Катя будет убивать / Д. Белинский —
«Автор», 2026 — (Где никто не..)

Неожиданное письмо переворачивает и без того сложную жизнь Кати с ног на голову: умирающая мать просит о встрече. Вместе с приглашением возвращается всё то, от чего Катя когда-то сбежала из отчего дома в надежде никогда больше не вернуться. Она всё же едет — проститься. Но на этот раз богатый особняк на отшибе хранит куда больше, чем прежние семейные тайны. За приветливостью гостей прячется нечто, чему нет объяснения, а за одной закрытой дверцей — то, во что поверить невозможно. Уехать отсюда у неё не получится. Если только...КАТЯ БУДЕТ УМИРАТЬ,КАТЯ БУДЕТ УБИВАТЬ.

© Белинский Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог.	5
Глава 1.	6
Глава 2.	12
Гл	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Катя будет умирать, Катя будет убивать

Пролог.

Посвящается моему покойному отцу Дмитрию Белинскому и моей бывшей супруге Марии Белинской.

Лоб раскалывается, кровь стекает по щекам. Юркнув за угол, Саша лопатками впечатывается в стеллаж и рукой массирует ноющий копчик.

Там, где начинается пыльный коридор, приоткрылась тяжёлая подвальная дверь. Лестница поскрипывает от каждого шага, раздаётся щелчок выключателя, но света нет. Лукавый смешок, а далее — опасливая поступь и хруст стекла под ботинками.

Тёмный подвал заполняет мужской, вычурный голос:

— Александр, купишь новые лампочки. Зачем весь этот сыр-бор? Ты пойми, всё живое питается прошлым. А я же...

— Мудак! — заканчивает за него Саша, выпалив через плечо.

Шаг. Хрусть.

— Ого, грубо. Может выйдешь, скажешь в лицо?

Вопрос остаётся без ответа. Голос продолжает, властно:

— Давай без шуток, лейтенант. Заканчивай эти игры, не дури. Ты присвоил принадлежащее мне. Как сумел открыть шкаф?

Саша озадаченно ощупывает лоб, не понимая о каком шкафе речь.

— Куда ни скроется нечестивый, руки Господней не минует, и что сказано в тайне, то будет провозглашено с кровель.

Прозвучало витиевато, а оттого приходится осмыслять в и без того гудящей голове.

Щёлкнуло кремнёвое колесико зажигалки «Zippo», едва уловимый отблеск света выгравировывает тени и тут же гаснет, не сумев разгореться.

Хрусть. Уже ближе.

— Ссышь?! — резко реагирует мужчина, явно недовольный своей зажигалкой и прятками. — Не выйдешь? Понимаю, другого не ожидал. Ну тогда, лейтенант, тебя ждёт исцеление и покаяние. Когда ты последний раз исповедовался?

У входа в подвал, а затем и по лестнице, шаркает лёгкая поступь, после чего помещение взрывается возмущённым женским воплем:

— Мё-ё-ёд!

Мужчина остановился, настороженно спрашивает:

— Ты чего орёшь?

— Наш мёд, его нет! Все банки разбили! Не уследил, болван!

Тот молчит, потом осознаёт и свирепо кричит вглубь:

— Александр! Совсем охренел, паскуда? Я тебя найду!

Вновь колесико от «Zippo». Вновь мимолётные тени и беспросветная тьма.

— С неработающей зажигалкой собрался искать, кретин?! — отчаянно завопила женщина. — Вытащи телефон! Включи вспышку!

Глава 1.

Эти сосиски и макароны накануне создавали миг наслаждения, сравнимый лишь с «Болоньезе» из ресторана.

Спустя сутки склеившиеся тесто и полуфабрикат из продуктового стоят на столешнице, невольно притягивая и одновременно отталкивая брезгливый взгляд Кати. Есть это определённо не хочется, но надо. Ведь когда Саша проснётся и увидит, что к еде она не притронулась — начнёт выносить мозги и закатывать глаза, а потом, как всегда, скажет, что она не заботится о своём весе, а точнее — его отсутствии, и, мол, диетологу мы платим зря, и вот психологу мы тоже платим зря, и эти продукты мы переводим — и всё в таком духе, до бесконечности.

Ой, фу, какая мерзость. И макароны, и фальшивая забота. Может это хитрый план абыюза? Сначала подорвал психическое здоровье, а теперь под этими «заботами» подавляет меня. Пожалуй, пока обойдусь чаем.

Рука тянется к кружке и начинает размешивать на дне мёд. Холодное серебро узорчатой ложки передаёт тепло в пальцы. Девушка, ссутулившись за кухонным столом, делает глоток и отодвигает макароны подальше, оставляя на десерт.

Клац, клац, клац.

Глубокий зевок.

Ярко-белый свет экрана ослепляет, заставляя щуриться и протирать глаза. Сейчас семь утра, солнце ещё не проснулось, как и она сама. Надо взбодриться и приступить к дизайнерскому проекту. Его необходимо представить к тридцать первому августа. Жаль, что заказчик определил срочность. Осталось полмесяца. Фриланс обязывает: работаешь на себя — будь добра, выполняй вовремя. А выполнить нужно, ведь бюджет у них с Сашей хоть и общий, но зарабатывает онакратно меньше и любые средства, по договорённости, оставляет себе на личные расходы.

Курсор наводится на почтовый ящик. В папке «Входящие» висит одно непрочитанное сообщение, пришедшее ночью. Адрес отправителя заставляет невольно поёжиться и больно прикусить нижнюю губу. Девушка не хочет открывать его, но понимает, что оставаться в неведении не сможет: из головы не выкинуть, а попробует, — тревога разрастётся.

«Здравствуйте, дорогие Екатерина и Нина.

Мне жаль вам это сообщать, но ваша мать умирает. Как вы знаете — рак лёгких. Она долго боролась, но сдалась. Юлия хочет видеть вас, пока ещё может. Я прекрасно осознаю, что вы, скорее всего, будете против, но ей есть что сказать вам. Что-то важное — и не только для неё, но и для вас.

Просим: приезжайте. Это будет последняя просьба, больше мы не побеспокоим.

Ваш отчим: Виталий».

Глаза пробегают по тексту, а потом ещё раз, более вдумчиво. Осознание приходит не сразу. Сперва появляются отголоски, далее воспоминания, такие старые и чужие, словно не её.

Сейчас она обыкновенная девушка. Двадцать шесть лет, нестабильная работа, подаренная родителями квартира у окраины МКАДа, непрактичное отсутствие автомобиля, но практичное присутствие в жизни молодого человека и младшей сестры — Нины.

А семья в целом? Помимо Нины — мать и отчим, проживающие в роскошном загородном доме. Казалось бы, достаточно стандартно. Но так ли стандартно то, что происходило в детстве и из-за чего она так отреагировала на неожиданное письмо?

Когда Кате исполнилось девять, а Нине восемь, мать познакомилась с Виталием. Виделся он внушающим доверие мужчиной: дружелюбный, харизматичный, энергичный и какой-то чрезмерно располагающий. Этот его настрой скрывал за собой иное — глубинную тьму. Но прощупать это было невозможно, не тогда. Да и как, если он вручил при знакомстве наивкус-

нейшие конфеты «Красный Октябрь» и незамысловатый набор каких-то железяк, как потом выяснилось — металлический конструктор для мальчиков.

Через полгода мать и Виталий сыграли свадьбу. Ещё через полгода Кате стукнуло десять — памятная дата. В ту праздничную ночь кухня пахла апельсиновым ликёром, что пили взрослые. Мама, облачённая в волшебное, красное атласное платье, порхала, а потом отлучилась укладывать утомившуюся Нину, оставив Катю с отчимом.

В помещении остался цитрусовый запах, который Катя позже научилась избегать. Мужчина посадил её к себе на колени и вручил ростовую куклу Мальвины. Пока девочка восхищалась синими волосами, глазками-бусинками и пышным платьем с бахромой, он сказал:

— Дорогая ты моя Катенька, знаешь, сколько стоит этот прекрасный подарок? Какая у него цена?

Она не знала и отрицательно покачала головой. Слово «цена» тогда виделось каким-то взрослым, недостижимым, но всё же серьёзным.

Он улыбнулся:

— Много, Катенька. Десять лет небольшой, но значимый возраст. Ты уже не совсем ребёнок, ведь так? Уже смыслённая девочка, а значит понимаешь, что такие подарки нужно заслужить, даже на день рождения. Да?

Катя машинально кивнула, а он приложил указательный палец к губам, сказав — «Это будет нашим секретом». Потом провёл рукой по колготкам, оттянул их, а затем... А затем это стало его тенью, которую никто не замечал, кроме неё. С тех пор тень пахла апельсином. Иногда та выбиралась, когда гас свет, сливаясь с темнотой комнаты и нутром отчима. Это повторялось снова и снова, превращаясь в ритуал: неделями, месяцами, годами.

Детские колготки, девчачьи чулки, подростковые школьные юбки, зауженные джинсы повзрослевшей девушки. Так тянулось вплоть до того момента, пока в сознательном возрасте она не начала бунтовать, догадавшись, что происходит что-то неправильное. Что-то, чего не бывает в нормальных семьях. Что-то, что откровенно порицается обществом. Тогда она припрятала под подушкой кухонный нож и приставила его к гортани отчима, во время очередного желания зверя. Тот впервые отступил.

Радовало одно — Нину он не трогал. Вечно шурился, глядя на неё, улыбался, дразня «пухлой дюймовочкой». Удивительно, но жену он так не называл, хотя телосложение у них одинаковое. Кате же не повезло быть похожей на сестру и мать. Она росла в покойного отца: худенькой, тоненькой и достаточно высокой — вероятно, отчима это и привлекало. Но её хрупкость не помешала оказать сопротивление в тот день.

После неожиданного: «Нет, посмеешь ещё раз — убью», мужчина прекратил свои зверства и поспешил избавиться от Кати, отослав её куда подальше, скрипя зубами и кошельком. Купил однокомнатную квартиру на окраине Москвы, поспешно оформив все бумаги со своим юристом Андреем. Девушка съехала на своё восемнадцатилетие.

Нина грустила об отъезде, но вынужденно оставалась с ними. Вскоре и она покинула родительский дом. Умная и обаятельная, девочка пышная, но всегда следящая за собой и обладающая особой харизмой. С присущей ей лёгкостью, младшая сестра поступила в хороший институт. Правда учёбу не закончила, бросив на третьем курсе. С её слов, выбрала иную тропу, нашла достойного мужчину, влюбила в себя по уши и покинула Россию. Живёт в Антверпене, воспитывает дочку. Общаются они редко, но не теряют друг друга.

С сестрой всё понятно. А что мать? Какова её роль во всём этом? Ответ прост — никакая. Или же созерцательная. Скорее всего, ей было известно о деяниях Виталия, но та предпочитала закрывать глаза. На все попытки доказать, что отчим совершает ужасные поступки, отмахивалась и рьяно защищала своего мужика. Намеренно? Катя убеждена, что да.

Отношения с матерью у неё до сих пор никакие, а любые контакты отсутствуют.

С Ниной мать тоже вела себя отчуждённо, но более терпимо. И только в редкие моменты — конец лета, когда наступало время сбора мёда, женщина расцветала, порхая по своей пасеке, собирая соты. Скоротечная идиллия — терпкий чай, пирожки на ужин и внимание дочерям, а потом, несколько дней, и всё по-старому.

А что отчим? Кто он, помимо тени? Виталий — известный московский хирург при деньгах и связях, — когда-то осчастливил своим появлением Юлю, попутно заваливая подарками и прочими благами, позволяющими чувствовать себя нужной и любимой. Щелчок пальцами и вуаля — магия. Всё к её ногам. Но в то же время он жадно высасывал из Кати все жизненные соки. Иногда ей мерещилось, что это некий дьявольский бартер, на который пошла мать, но не давала своего согласия Катя. Юля частенько говорила, что любовь — это безопасность и тишина. Похоже, что для неё безопасность означала семейный бюджет и умение не задавать лишних вопросов.

Стоит ли говорить, что когда сёстры покинули дом, то оборвали всё общение с ними? Это логично. Никаких поздравлений, открыток, писем. По крайней мере до злосчастного сообщения.

Глаза смотрят в экран ноутбука и перечитывают текст. На кончике языка ощущается металлический привкус. Кровь заставляет переключиться на что-то другое. Катя знает — нельзя заикливаться и встряхивает головой, прогоняя наваждение.

Чай остыл, а сбоку доносится негромкое «мяу». На столешницу запрыгивает кошка и усердно трётся мордочкой об угол монитора.

Только край не кусай.

Укус, трение. Клыки вновь нацелились на пластик.

— Ух ты, маленькая заразка, не кусай, говорю тебе. — Отодвигает её Катя.

Дзынь!

В папку «Входящие» падает очередное письмо. Она тут же открывает его. Это ответ от Нины. В нём лаконично написано: «Спасибо за приглашение, я пас».

Через мгновение на столе вибрирует телефон, девушка переводит на него недоумевающий взгляд, спутав звук с сигналом будильника. На экране надпись «Систресса Нинесса». Девушка прочищает горло и нажимает на зелёную кнопку.

— Привет, Нина.

— Кать, извини, не рано? — хриловато тараторит заспанный голос, игнорируя приветствие.

— Нет, уже работаю. Рада тебя слышать, давно не созванивались.

— Угу и я рада. Ты не проверяла почту?

— Проверяла.

— Получила письмо, прочитала? Твой адрес в копии.

— Да, я видела, прочитала.

— Что думаешь?

— Не знаю, Нин. Лучше бы не открывала его.

— Да, да, я тоже. Не самое приятное начало дня, — выдыхает та. — Ответ мой тоже видела?

— Видела. Точно не прилетишь? Решила наверняка?

— Конечно не прилечу, — хмыкает сестра. — Я бы ещё написала всё, что думаю о них, руки так и чесались сделать побольнее, но мне кажется, что им уже достаточно.

— А мне что делать?

— В смысле?

— В прямом, Нина. Я не знаю, что мне делать. Тоже ответить, что не поеду?

— Не знаю, Кать. Может, лучше ничего не отвечать?

— Может, но оно теперь у меня из головы не выйдет. Тем более после твоего отказа. Почему ты полностью переложила это на мои плечи?

На том конце повисает мимолётная пауза:

— Не переложила. У меня нет возможности лететь из Бельгии в Москву, не в ближайшее время. Да и не хочу я.

— Нина, — слезливо говорит она. — Ну прилетай, пожалуйста. Ты мне очень нужна, я боюсь туда ехать одна. К тому же мы восемь лет не виделись, я очень скучаю.

— Кать, я тоже скучаю, но никак.

— Пожалуйста! Не могу туда без тебя, не хочу.

— Ну, наверно, забей тогда.

— Ты такая простая! Каким образом забить? Если откажусь, как это вообще будет выглядеть?

— Почему тебе вообще не пофиг, м?

Катя замолчала, пытаясь понять: а действительно, почему?

— На отчима — да, но мать умирает. Ты прекрасно знаешь, что меня это загрызёт.

— Да блин, Кать, она всё наше детство жила в своём мире. Ни заботы, ни любви. Только долбанные пчёлы, пасака и мудака Виталий.

— Да, но мама хочет сказать нам что-то важное. Может, извиниться?

— Естественно. Перед смертью не надышишься. И ты простишь? Тебе это надо?

— А ты нет?

— Нет, говорю же, еле сдержалась, чтобы не высказаться в сообщении. Сама подумай, как они вообще могут просить у нас что-то?

Катя делает вдох-выдох, старается успокоиться, рационализировать.

— Ну, может, ты и права.

— Кать, конечно я права, ты просто ещё не поняла. Мы им ничего не должны. Выкинь из головы, ладно?

— Легко сказать, — проворчала она, поглаживая кошку. — Может, заблокировать адрес отчима?

В трубке послышался осипший вздох.

— Решай сама. Я бы, наверно, не стала. Это как-то... — Нина закашлялась и притихла под конец фразы.

— Глупо? По-детски? — интуитивно дополнила Катя.

— Точно. Кать, не придавай этому значения. Ничего не произошло.

— Попробую. Похоже, что сегодня меня ждёт внезапный вечер вина.

— И алкогольного сна без задних ног?

— Именно, — с грустным смешком подтверждает она.

— Вот и славно, так держать. Ладно, я немного приболела и дальше спать, пока есть возможность. Лёгкого дня, если что — пиши.

— Давай, поправляйся, люблю тебя.

— Ага, и я.

Катя, выдавливая из себя улыбку, откладывает телефон на столешницу. Нет, накручивать себя точно не стоит. Вину искать там, где её нет, — тоже. Надо просто отвлечься, допить чай и заняться проектом.

Она тянется к развалившейся на столе кошке, подхватывает её и, повернувшись впол-оборота, спускает животное на пол.

— Мира, иди к Саше, мне нужно работать. Давай, — толкает её упрямый бок. — Давай, любимый комочек.

Кошка заваливается, вылизывается. Девушка цокает языком и, возвращаясь к компьютеру, задевает кружку локтём.

Плюх.

Пш! — в ужасе отпрыгивает Мира.

Стол, пол, рукав в чае. Кошка, наворачивая обороты по ламинату, ныряет под диван. Недовольная ругань срывается с уст и разносится по всей квартире. Через несколько секунд в прихожей вырисовывается высокий, плечистый силуэт и бредёт на кухню, протирая глаза.

— Ка-а-ать?

— Извини, пожалуйста, не хотела разбудить, — рассеянно бросает она, подпрыгивая к раковине.

Гелем для посуды её неряшливые движения отмывают рукав, а Саша сонно мямлит за спиной.

— Что произошло?

Катя не отвечает, стоит облокотившись коленкой на фасад, поджав вторую ногу под себя.

— Зайка? Что случилось? — подходит к ней Саша и всматривается в лицо.

— Чай пролила.

— Э-м-м...

— Э-м-м?

— Кать, ты чего такая пасмурная?

— Ничего, всё хорошо.

Парень озадаченно хмыкает, замечает разлившуюся жидкость и взяв тряпку, идёт вытирать, после чего возвращается:

— Убрал. На нут почти не попало, ерунда, не переживай.

Она благодарно кивает. Густые, зелёные капли вываливаются на хрупкую ладонь. Движения неуклюжие, нервные, гель втирается в кожу. И опять. И опять. И опять.

— Родная, успокойся. — Саша забирает средство и оставляет подальше.

С губ срывается протяжный полустон, полускулёж.

— Из-за чая так стрессанула? — Он подступает ближе и, касаясь её шеи, целует. — Ты приняла таблетки?

— Я не буду пить антидепрессанты утром. У меня ремиссия, не хочу нагружать себя.

— Знаю, хорошо. Ну хоть позавтракала?

Катя невольно бросает взгляд на макароны. Саша тоже.

— Солнце, мы же договаривались. Тебе надо следить за питанием, это ненормально. Ты взвешивалась на днях?

— Угу.

— Ну и? — Он отступает, смотрит на неё своими тёмно-серыми глазами. — Сколько?

Девушка отвечает не сразу:

— Пятьдесят.

Саша прочищает горло. Поглядывает с недоверием.

— Господи, сорок восемь! Неужели это так важно сейчас?

— Ого! Ну видишь, за пару недель полтора килограмма — вполне себе неплохо. Через несколько месяцев будет нормально для твоих ста восьмидесяти.

— Слушай, тебе не пора на работу? — укоризненно спрашивает Катя.

— Ну, да, пора, — тянется он спросонья и обхватывает её за талию. — Давай я разогрею макароны, ты позавтракаешь и тогда пойду в душ?

— Не хо-о-очу, — обессиленно выдавливая она.

— Надо, Катюш...

— Хватит, прошу! — отрезает девушка, высвобождаясь. — Говорю же, не хочу! Не мучай меня!

Тот отстраняется.

— Окей, прости. Но можно как-то полегче?

Катя молча выключает воду и оттирает пальцы бумажным полотенцем.

— Ясно, ладно. Я мыться, — сообщает Саша и отчаливает.

Катя смотрит на закрывшуюся дверь санузла. Через минуту смывается бачок унитаза, слышится звук бритвенной машинки.

Дизайн-проект застыл, отвечать в мессенджерах не хочется, согласовывать что-либо тоже.

Катя уже давно убрала утренние макароны в холодильник и к еде сегодня не притрагивалась, даже когда стрелка часов перевалила за шесть вечера, а Саша написал, что скоро освободится. Девушка попросила его заскочить в магазин и купить вино. «Зачем? Сегодня же вторник», — в недоумении спросил парень. Она не стала рассказывать, стараясь не погружать его туда, куда и сама бы не хотела опускаться, просто донесла, что нужно. Саша спорить не стал.

Вскоре рабочий день завершится, а значит — можно будет расслабиться, насколько это вообще возможно. Сегодня Катя позволит себе несколько бокалов вина, ванну и заляжет в ней на добрых пару часов, растворяя себя в пене из «Bath & Body Works».

Стемнело. Рабочие чаты постепенно редуют, отсчитывая онлайн-участников в обратном порядке. Саша приедет минут через десять. Катя измученно выдыхает.

В надежде сказать сегодняшнему дню: «всё», она тянется к крышке ноутбука, чтобы закрыть её.

Дзынь!

В правом нижнем углу экрана всплывает уведомление о новом письме. Адрес отправителя — отчим. В обрывке текста, виднеющемся не полностью, глаза выхватывают: «Ваша мать скоропостижно скончалась».

Глава 2.

Эти двое голоса в начале подвала и выясняют отношения из-за украденного мёда, а Саша нервно протирает взмокшую шею и ощупывает саднящий лоб. Мужчина вот-вот найдёт в своём кармане телефон и включит вспышку. Против его скальпеля не выстоять, навыки бокса не помогут.

Парень в припадке отчаяния выхватывает из кармана баночку мёда, выныривает из-за стеллажа и замахивается для броска. В этот же миг глаза ослепляет холодная вспышка, но баночка уже в полёте. Щурясь, он замечает, как та пролетает за плечо сутулого силуэта. Ещё миг — и снаряд находит цель.

— А-а-а-а! — орёт женщина, вскинув руки.

Осколки разлетаются в стороны, атласное платье склеивается мёдом. Незнакомка грохается на колени.

Лицо мужчины, морщинистое и смуглое, перекосилось.

— Господи Иисусе! — он тут же склоняется над ней.

Но, не успев оказать помощь, получает удар в пах и оседает рядом.

— Ты кретин! — желчью брызжет она.

Саша, воспользовавшись замешательством, стремглав несётся к единственному выходу, перепрыгивает их и взлетает по лестнице.

Рывок. Резкая боль в ноге.

Ещё рывок, что-то разрубает кожу. Крик вырывается из груди. Саша оборачивается. Во внутренней стороне бедра торчит скальпель.

Прошло два дня со смерти матери. Катя в последний момент решила ехать на похороны. Как бы сильно ни хотелось встречаться с Виталием — мать похоронить надо. Можно сколько угодно рассуждать об обидах, нелюбви и семейных проблемах, но если она не присутствует при погребении и не попрощается — сойдёт с ума. Поэтому девушка поделилась произошедшим со своим парнем, попросив оказать поддержку.

Нина на сообщение о смерти никак не отреагировала. Катя тоже не хотела отвечать, но всё же написала отчиму и известила о приезде. Сестру не осудила, лишь позавидовала её хладнокровию. В конце концов, у Нины своя жизнь — лучшая. Пусть так и будет.

Час дня и невыносимая жара. Они стоят на улице, ждут такси, которое вызвали через приложение агрегатора. Машина уже в пути, должна подъехать с минуты на минуту.

— Кать, ты как? — спрашивает Саша, заботливо поправляя её каштановые волосы за ухо.

— Да вроде нормально.

— Ну-ка, дай-ка, — слюнявит он указательный палец и тянется к глазам.

Катя хмурится и аккуратно отводит его руку в сторону, смотря с непониманием.

— Ты чего делаешь, Саш?

— Да у тебя тушь размазалась. Давай чуть поправлю?

— Не надо, я сама, точно хуже сделаешь. — Она достаёт из сумочки телефон, включает фронтальную камеру.

Действительно, размазалась, меньше рыдай, дуручка.

Девушка оценивает макияж и исправляет недочёт накладными, длинными ногтями. Хм, ну вроде бы нормально, убрала. А глаза, с ними что? Кать, всё нормально? Вампир? Ладно, хоть покраснели, да и светло-серый огонёк тусклый, но не угас. Тональный крем лежит нормально? Угу, нещадно растирала спонжиком, оттого кожа ровная. Морщинки? Обычно их нет, но после слёз как будто и есть парочка, небольшие. Ресницы — присутствуют. Немного жиденькие, даже

с тушью, но хоть какие. Линии подбородка прямые, как и нос. Лицо — налепить бы поверх ещё пару слоёв, и появится объём. В общем и целом, для похорон самое то.

Она убирает телефон и, грустно улыбаясь, обращается к своему молодому человеку, пока тот высматривает такси.

— Ну что, лучше?

— А? — поворачивается он и сразу же кивает, не успев взглянуть. — Да-да, супер. Выглядишь замечательно.

— Ты даже не посмотрел, — фыркает она.

— Чего фыркаешь? Не лошадь же.

Катя округляет глаза.

— Зайка, релакс. У меня взгляд намётан, сразу оценил и сказал, что всё окей.

Катя не лошадь — больше не фыркает, но смотрит ехидной.

Повисла пауза.

Саша замечает напряжение, после чего едва заметно сглатывает, молчит.

— Ну-ну. Очень приятно такое слышать. Намётан, значит?

— Родная, его тут и не надо, — тепло улыбается он. — Даже если бы не посмотрел, то без сомнений сказал, что стало супер. Ты же красотка у меня, тем более дизайнер классный. Из чего угодно конфетку сделаешь.

В конце последней фразы он сбавил тон, вероятно понимая, что ляпнул что-то не очень хорошее.

Катя слегка наклонила голову и задала себе вопрос: а это врождённая узколобость или последствия от занятия боксом?

Его лицо застыло в отупении.

Девушка опечаленно всматривается в глаза, ожидая оправданий сравнения с «чем угодно», или же более искренних извинений, ведь он вечно просит прощения направо и налево, и уже не разберёшь, чувствует ли он свою ошибку или просто удобно прячется за извинениями.

Рядом паркуется машина.

— О, наконец-то, — цепляется Саша за спасательный круг. — Ты с этой стороны поедешь или с той? — распахивает он дверь, приглашая сесть.

— С той, — обиженно выдавливают она, огибая машину.

Уже внутри, водитель, тыкая пальцем в свой навигатор, уточняет:

— Вы Александр?

— Так точно.

Мужчина ещё что-то понажимал, а затем выдал:

— Отмените заказ.

— Чего? — вылутился на него Саша, пристёгиваясь.

— Я не повезу вас в тот район. Это два часа без пробок, а пробки будут, я то направление знаю. Ваш конечный пункт — глухомань. Оттуда и обратно никого не найдёшь. Я только по Москве и области развожу.

— Вы издеваетесь? Это и есть область, — раздражённо реагирует Саша и поворачивается к ней: — Солнце, всё верно же, Хребетово?

— Да, Хребетово, — кивнула она и подалась к водителю. — Извините, пожалуйста, а что значит не повезёте? Это ваш заказ, вы приняли...

— Девушка, ещё раз повторяю: вожу по Москве и области, а не в жопу мира.

— Эй, уважаемый, не хами ей, — гаркнул Саша таким тоном, что тот вздрогнул, но не струхнул.

— Не повезу. Отменяйте заказ.

— Обалдеть, — сухо процедила Катя.

Саша прошипел:

— Слушай, принял нас — вези. Мы деньги платим.

— Мне ваши деньги нафиг не упёрлись. Пока я вас катаю — сделаю три заказа. Отменяйте!

Катя заметила, как у Саши дёрнулось веко, зрачки застыли, а рука отстегнула ремень. Верный признак бешенства, которое быстро разгорается. А если накатит — ой, нет, лучше избежать подобного.

— Господи, ладно, мы отменим. Пойдём, закажем другое, — она боднула его плечом, переключая внимание.

Получилось. Он поменялся в лице, и хоть не сразу — кивнул, после чего они вышли.

— Вот же конченный тип, — жалуется Саша, переминаясь с ноги на ногу и повторно заказывая такси.

— Саша, не нервничай, хорошо? Я меньше всего сейчас хочу испытывать внешний стресс, и тем более унимать твою вспыльчивость.

— Да-да, извини. Он ссыкло просто, поэтому не захотел туда ехать, взбесил меня.

— О чём ты?

— Я вспомнил про это Хребетово, оно входит в Сергиево-Посадский округ. Этот район в красной зоне во всех управлениях.

Катя смотрит на него с непониманием.

— Что за красная зона?

— А? Да, область опасная, там регулярно водители пропадают, в основном таксисты. Слышала про Селковского маньяка?

— Так ладно, я сказала без стресса.

— Ну сама же спросила.

— А ты мог бы и подумать. Мне не нравятся подобные истории.

— Я же не телепат, зайка. К тому же ты вечно смотришь свой тру-крайм.

— Это другое, — насупилась она, отведя взгляд.

Саша недовольно сложил губы в тонкую линию, но спорить не стал, извинился.

Следующее такси подъехало через пятнадцать минут. В этот раз проблем не возникло. Ехать и вправду далеко по московским меркам. Дом находится на отшибе области, через Мытищи, Королёв и дальше, по Ярославскому шоссе. Катя не раз себя спрашивала: отчего же отчим решил приобрести недвижимость в таком отдалённом месте?

Ну да, дом хоть и величественный, больше напоминающий поместье, но лучше уж поменьше и поближе к городу — практичнее как минимум. Вероятно, мама настояла на этом особняке, желая прожить остаток жизни в роскоши. Территория там большая, вмещает сад, пруд, пасеку и даже церквушку.

Проехали примерно половину.

Через какое-то время начало клонить в сон и она, облокачиваясь на стекло, прикрыла глаза. Саша потрепал её, предложив лечь на своё плечо. Катя поблагодарила и уткнулась носом в его худы. Со временем окутала дрема, а перед глазами всплыли картинка, напоминающие старые диафильмы.

Они с Ниной забегают в гостиную, весело крича и радуясь. Свет размеренно расстилается по помещению, а холод улицы отступает, давая место уюту и чуду — вечеру субботы. Уроков не задано, а значит, можно насладиться долгожданным выходным.

Мама и Виталий на улице, не спеша идут следом, пока сёстры носятся по гостиной в поисках пульта от телевизора, ведь уже началась любимая телепередача «Последний герой».

Пульт, найденный Ниной, Катя вырывает из её рук и нажимает на кнопку, пока сестра завывает от недовольства.

— Отдай!

— Нина, не кричи! Я включила уже!

— Я нашла пульт, я должна включить! — верещит она.

— Какая разница?

— Раз «какая разница», то зачем отбираешь?!

— Потому что моя очередь. А ты тогда иди на диван, потому что я в прошлый раз сидела на нашем месте.

Катя видит во сне, как маленькая она указывает пальцем на их излюбленное место — с краю, у небольшого столика, на который можно закинуть и вытянуть ноги. Мама хоть и ругается, угрожает всяческим, когда девочки так делают, но дальше слов дело не заходит.

Нина, скуксившись, залезает на диван и выпячивает ноги вперёд, в ожидании телешоу. Катя переключает каналы и останавливается на том, где красуется полупрозрачная единица в углу экрана.

На кинескопе большого телевизора вырисовывается картинка: какой-то немолодой дяденька с седой бородой уселся на прибрежном песке и общается с другим — помладше, возраста, наверно, Виталия, — темноволосым, в синих джинсовых шортах.

— Ой, пчела, что ли? — говорит молодой дяденька, отмахиваясь от мухи, летающей возле него.

— Да нет, Максим, какие тут пчёлы? — усмехается тот, что постарше, и поправляет бандану. — Здесь их быть не может.

— Всё-то вы знаете, Николай Николаевич.

— Ну, касаясь природы, Максим, многое. А вот известно ли тебе, что пчёлы — это вымирающие насекомые?

Тот без особого интереса мотает головой.

— Ну вот, представь себе. А они исчезают. И знаешь, как это неприятно, дорогой мой друг? Это же такие создания, просто невероятные!

— Не сомневаюсь, Николай Николаевич. Мне-то что с этого? Ликбез решили устроить?

— Ах-а-ха, — посмеивается он. — Ну а чего бы и нет? Вот твоя фамилия — Покровский. Древняя, от слова «покров», а значит — покровитель и защитник. Тебе должно быть интересно.

В это время мама и отчим входят в гостиную. Она в своём атласном, выходном платье, и белых босоножках. И он, в выглаженных брюках и строгой водолазке с высоким воротом. Виталий вальяжно садится на диван и устремляет взгляд в телевизор, а Юля направляется к кухне, попутно бросая:

— Ох уж этот Дроздов, хоть и полезен на острове, но тягомотину свою начинает. Не то что Фриске.

— Юля, да погоди ты, послушай, о твоём хобби рассказывает — пчёлах.

Мама отмахивается, окликая домработницу:

— Галина, мы вернулись с прогулки! Завари мне чай!

В ответ — ни звука.

— Так, а куда я его дела? А, вот, — осматривается она и берёт с тумбы небольшой пластмассовый пейджер, нажимая на кнопку.

В глубине дома раздаются скорые шаги, в гостиную входит тучная домработница «Говорушка Галя» и молча кивает, давая понять, что готова слушать.

Мать безмолвно объясняется на пальцах:

Чай, мёд, на неё одну.

— А нам какао! — заголосила Нина, чуть ли не вскакивая с любимого места.

— Никакого какао! — огрызается мама. — Скажите спасибо, что смотрите телевизор так поздно и сидите с ногами на столе.

Сёстры переглянулись и, подождав пока та скроется на кухне, передразнили её.

Тем временем дяденька, которого мама назвала Дроздовым, продолжил:

— Вот знаешь, Максим, есть ещё гималайская гигантская пчела. Догадываешься, где обитает?

— Вы издеваетесь, Николай Николаевич? Дурака-то из меня не делайте.

— Да я не делаю, ты не подумай. Просто хочу рассказать, что это одни из самых удивительных существ. Вот обычные пчёлы что? Они почти везде, или, по крайней мере, их можно разводить. А эти — эти совсем другое дело. Живут только в Гималаях, на высотах, строят гнёзда на отвесных скалах, где климат совершенно особый: разреженный воздух, высокая влажность, и круглый год цветут альпийские рододендроны. В России-то таких условий нет. Даже в горах Кавказа слишком холодно.

— И что с того?

— Да то, что мёд от этих выживальщиков и специфических растений — очень ценный и целебный. Правда содержит токсины и вызывает галлюцинации, а оттого опасен. Представляешь, какая гармония природы в одном месте?

— Представляю, не то что здесь, — с улыбкой отвечает тот, — а мёд-то что? Болячки лечит? Звучит бредово.

— Так говорят, Максим, — смеётся Дроздов и похлопывает молодого дяденьку по плечу. Затем ещё. И ещё.

Бух! Громыкнуло.

Картинка начинает распадаться, Катя, чувствуя бережное похлопывание, приоткрывает заспанные веки, понимая, что машина остановилась.

Саша улыбается, нежно говорит:

— Солнце, мы приехали, просыпайся.

Они поблагодарили водителя. Автомобиль развернулся на узком пятаке и двинулся в обратном направлении.

Бух!

Вдали сверкнула молния, ветер ударил в лицо. Катя встряхнула головой и поправила волосы, освежаясь под порывами.

— Кать?

— М?

— Нифига себе дом, мы точно не ошиблись? — всматриваясь за ворота, интересуется Саша.

— Не ошиблись. Ох, — досадует она, разминая шею, — всё затекло, божечки.

— Давай помогу?

Он змеёй ныряет за спину и кладёт массивные ладони на её плечи, принявшись разминать мышцы. От этого мурашки пробегают по позвоночнику и затылку, становится приятно.

— Спасибо. Почаще бы так.

— Я всегда за, мне не сложно, зайка. Только попроси, ты же не просишь.

— Ага, а сам не догадываешься заботу проявлять? Тебе вечно нужно подсказывать? — с укором отвечает она и тянет шею из стороны в сторону.

Саша предпочитает пропустить это мимо ушей и, как всегда, ловко переводит тему, направляя разговор в нужное ему русло:

— Слушай, а этот дом — откуда такие хоромы? Я, если честно, немного в замешательстве. Ты ни разу не рассказывала, где и как живёт мама с...

— Жила, — поправляет она.

— Ну да, прости.

— Ничего, — высвобождается Катя и поворачивается к нему. — У меня не возникало желания об этом говорить — как тогда, так и сейчас.

— Ну а если я попрошу? — аккуратно проявляет он любопытство. — Потому что как-то странно.

— Ничего странного. Пошли. Почти четыре, хоронить будут в шесть.

Она идёт к входу, а из-за спины слышится:

— Кстати, почему в шесть? По крестьянскому обычаю в первой половине хоронят, если не путаю.

— Это просто традиция, не более. К тому же, на территории имеется кладбище и личная церковь. Открыта всегда.

Перед ней окрашенный в чёрную краску столбик, на панели торчит пузатая кнопка — «вызов». Сам столб по левую руку, на кромке пятака, примыкающего к монструозным воротам, метра три в высоту, над которыми, по бокам, нависли камеры. Раньше ничего этого не было: ни камер, ни столба, ни вызова.

Пальцы едва дотрагиваются до кнопки, как справа окликают:

— Здравсьте, вы в поместье?

Катя, удивившись неожиданному голосу, переключает внимание.

Под деревом, в тени крон, сидит незнакомка в тыквенно-оранжевом жилете, держа на коленях метлу. У неё светлое окрашенное каре с тёмными корнями. Аккуратный небольшой нос и пирсинг в левой ноздре. Кожа немного суховата, без следов косметики. Обычная девушка, коих тьма, но кого-то она напоминает своими чертами лица.

Незнакомка таращится на них, интересуется:

— На похороны?

Девушка изучает её, наконец понимая, что никогда ранее не встречала, ни на территории дома, ни снаружи.

— Да, на похороны моей мамы.

— Ой, простите, — сразу подскакивает та, хватая метлу и показательно начинает сметать листву с пятачка. — Пожалуйста, только не докладывайте Виталию Николаевичу, что у въезда не убирают. Я просто присела отдохнуть, а то что-то очень жарко, жилет снять нельзя, а хочется.

— Не сообщим.

— Кат? Позвоним? — отдёргивает за рукав Саша, указывая на кнопку.

— М? Угу, — ноготь нажимает на «вызов».

Только вместо вызова, ворота сразу же раздвигают створы, поскрипывая под тяжестью металла.

— А вы, молодой человек, тут впервые, да? — навязчиво спрашивает уборщица.

Девушка собирается с ответом, как Саша опережает:

— Я? А почему вы интересуетесь? Вам не всё ли равно? Лучше бы вместо любопытства и своего «ой, простите», проявили человечность и выразили соболезнования моей девушке.

Эта реакция ей приятна. Зачем вообще задавать неуместный вопрос, если Саша тут ни сном ни духом? Женщина тут же улавливая отчуждённость, любезничает с Катей:

— А, ой, извините, я и правда бестактна. Похоже, профдеформация, если можно так выразиться. Искренне соболезную вам. Просто вижу, что ваш молодой человек не бывал здесь. Если что, с этой стороны можете войти только через кнопку, а с той — набрать код. Хотите — назову?

Саша заходит на территорию и радикально отрезает:

— Слушайте, нам без надобности, занимайтесь своими делами, пожалуйста.

Та лишь смыкает указательный и большой палец в кольцо, показывая «окей».

Катя взглядом прощается с уборщицей, направляясь за парнем.

Переступив периметр, она совершает неуверенные шаги, тогда как он осматривает округу с изумлённым видом.

— Зайка, обалдеть, это реально всё ваше? Ну расскажи, мне же интересно.

— Это Виталия и мамы, не моё.

— Ну да. Может, расскажешь, откуда? Дом, кажется, не очень старый. Какой-то привет из девяностых — навроде важных шишек или...

Позади со скрипом закрылись ворота.

— Или чего?

— Даже не знаю.

— Говори уже, — девушка, равняясь с ним плечом к плечу, щиплет его за бок.

Он посмеивается.

— Ну, что-то государственное?

Катя загадочно молчит и бредёт по дороге, к центральному входу.

— Так что? Да?

— Нет. Отчим — один из лучших хирургов в Москве.

— Да ладно? И ты не рассказывала?

— А зачем? Ты тоже не рассказывал о работе своих родителей. Лично мне это не особо интересно.

— Ну так с моими ты знакома хотя бы, а о своих молчала. Стеснялась признаться, что из богатой семьи?

— Нет. Имелись причины, Саш.

— Какие? Что твой папа...

— Отчим! — зыркнула она в его сторону.

— Сорри, да, отчим, не привык ещё. В общем, что отчим именитый хирург, а значит, что всё это рано или поздно станет твоим? Ваше с сестрой наследство, правильно?

— Вроде того, но только оно мне даром не нужно. Уже получила от них квартиру, более чем достаточно, а это место ненавижу, — холодно сообщает она, проходя мимо зелёной изгороди.

Впереди красуется дом.

Вид у него всё тот же — для неё чуждый, для гостей — величественный и притягательный. Два этажа, стены слоновой кости, натянувшие на себя мох и плесень. По бокам веранды, увитые плющом. На двух башенках по краям — прежние узорчатые гравировки, замысловатые и вроде бы изысканные. Но отнюдь — безвкусица. Со слов старого дворника, работавшего ещё при Кате, их вытесал какой-то рядовой солдат, проходивший срочную службу. Теперь они не что иное, как насмешка над Виталием и его деньгами, вбуханными в убожество.

Да уж, спасибо образованию, теперь эту бездарность можно оценить в полной мере.

С тех пор, как она бывала здесь в последний раз, плющ успел забраться выше, зелёною заполняя пространство. А вот придомовая территория прежняя и ухоженная. Слева, на травянистом участке, — пасека, когда-то обихаживаемая матерью. За ней — маленькая церквушка. Справа — клумбы, сад и всё тот же забор, ограждающий периметр территории и нависающий над ней, как необъятный металлический соглядатай.

— Офигеть тачки. Это же «Ламборгини», — млеет Саша.

У самого входа, в идеальную линию, припаркованы несколько иномарок. Если бы не похороны, можно предположить, что здесь проводится аукцион: машины глянцевые, блестящие и неприлично дорогие. Катя, стараясь не обращать на них внимания, идёт к дверям, но в моменте останавливается, оборачиваясь к Саше.

Парень откровенно тупит и всё вертит головой, замороженно. Это выглядит по-своему мило и глупо, она непроизвольно улыбается. Смешной, немного нелепый — как ребёнок, впервые попавший в Диснейленд, и, увы, такой же эмоционально незрелый, подмечает про себя Катя, вспоминая прошлое.

— Саш, ты как маленький, — говорит она, спиной поднимаясь по ступеням крыльца.

— А? — заоблачно млеет он и дурашливо тыкает пальцем в сторону автомобилей. — А чего? Нельзя что ли поофигевать? Ты гляди, какие кареты. Я такие только на Лубянке видел, и то пару раз.

— Угу.

— А это? Это ж фонтан! — отвесив челюсть, теперь Саша смотрит на водоём с позолоченной статуей в центре.

— Может потом поизучаешь территорию? Нас так-то ждут.

Но молодой человек витает в облаках.

— Мы в Петергофе были. Там очень похожий фонтан, Самсон вроде. Помнишь?

— Помню, всё, пойдём, хватит глазеть, это обычный дом.

— Офигеть обычный, Кать. Ты что, прикалываешься? Это же дворец!

Она умилённо наблюдает, понимая, что для Саши такая картина необычна. Он вырос на окраине Москвы, можно сказать, в окружных трущобах, где отчим и купил ей квартиру. Сейчас это вполне престижный район, учитывая то, что внутри МКАДа почти всё престижно. Но на тот момент его нога ни разу не ступала дальше близлежащей области, да и сейчас полететь куда-то на совместный морской отпуск — нет уж, — максимум Питер, и то через вечные уговоры, так как Саша регулярно считает деньги, жадничает и оправдывается тем, что фактически единственный зарабатывает в их отношениях. Но по её мнению, он просто скряга, а его финансовая грамотность — не что иное, как желание сэкономить на всём подряд.

Щёлк-щёлк.

Они синхронно поворачиваются в сторону звука. У подножья крыльца, где начинается дорога в сторону церквушки, стоит коренастый широкоплечий мужчина средних лет в серой водолазке с высоким воротом. Тёмные волосы прилизаны назад, поблескивают от засаленности, в руках он держит «Zippo» с кремнёвым колёсиком и пытается зажечь новую сигару.

Катя начинает учащённо дышать. Перед ней отчим.

Нахмутив чёрные брови, Виталий безуспешно трясёт свою зажигалку, а далее, плюнув на это дело, осматривает гостей пронзительным, орлиным взглядом.

Катю начинает потряхивать.

Мужчина убирает «Zippo», приподнимается на одну ступень, натягивает улыбку.

— Здравствуй, Катенька. Я так рад тебя видеть! Спасибо, что приехала. Жаль, что мама не дождалась.

Тело в оцепенении, не двигается, не может. Встреча в доме — это одно, но так внезапно...

Живот сворачивается.

Он выкидывает сигару в сторону, поднимается ещё на одну ступень, тянется, заключает в объятия.

Грх!

— О! Здравствуйте! Я Саша, парень Кати! — раздаётся беззаботный голос.

Грх!

Объятия слегка ослабевают, а желудок не отпускает.

Отдалённое:

— Саша? А! Привет, я Виталий, её папа!

Свет рябит. Катя чувствует, как к горлу подступает горечь.

Грх!

— Катя? Ты чего? Вся бледная, — обеспокоенно произносит отчим придерживая за талию.

Она хочет вырваться, но её крутит.

— Дочка, ты чего?

Спина согнулась крюком, шея вытянулась, горло разрывает.

— Грх-ха-а-а!

Всё застыло, не двигается. Глаза на выкате, лицо пылает, губы влажные. Катя распрямляется, поднимает чугунную голову. Взгляд выхватывает ошарашенного Сашу и отчима, на водолазке которого виднеется мокрое пятно.

Гл

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.